УДК 347.9

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Фендрикова Е.В.

студентка,

Юридический институт НИУ «БелГУ»,

Белгород, Россия[1]

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы участия прокурора в гражданских делах, затрагивающих интересы несовершеннолетних. На основе анализа ст. 45 ГПК РФ и судебной практики по жилищным, семейным и наследственным спорам выявлены типичные ошибки в определении оснований для вступления прокурора в процесс. Сформулированы предложения по уточнению нормативных оснований прокурорского участия в данной категории дел.

Ключевые слова. Прокурор, гражданский процесс, прокурорский надзор, несовершеннолетние, семейные споры, заключение прокурора.

THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF MINORS' RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Fendrikova E. V.

student,

BelSU Law Institute,

[1] ***Научный руководитель: Беляева Т.Н.****, ассистент кафедры трудового и предпринимательского права, Юридический институт НИУ «БелГУ», Белгород, Россия*

Belgorod, Russia[2]

Abstract

The article examines the issues related to the prosecutor's participation in civil cases affecting the interests of minors. Based on an analysis of Article 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and judicial practice regarding housing, family, and inheritance disputes, typical errors in determining the grounds for the prosecutor's involvement in the proceedings have been identified. Proposals have been formulated to clarify the regulatory grounds for the prosecutor's participation in this category of cases.

Keywords. Prosecutor, civil proceedings, prosecutorial supervision, minors, family disputes, prosecutor's conclusion.

Защита прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве традиционно относится к числу приоритетных направлений государственной политики и одновременно – к наиболее уязвимым зонам правоприменения. Ребенок, не обладая полной дееспособностью, объективно не способен самостоятельно отстаивать свои интересы ни в семейных конфликтах, ни в жилищных спорах, ни в иных правоотношениях, затрагивающих его имущественное и личное положение. Законодатель, осознавая эту уязвимость, предусмотрел в ст. 45 ГПК РФ специальный механизм процессуальной поддержки – участие прокурора, призванное компенсировать возможные пробелы в деятельности законных представителей. Однако сам по себе факт закрепления такого механизма не снимает вопроса о том, как именно он

[2] ***Scientific supervisor: Belyaeva T.N.*** *Assistant Professor of the Department of Labor and Business Law, BelSU Law Institute, Belgorod, Russia*

должен функционировать, чтобы не превратиться ни в формальность, ни в избыточное вмешательство в частную жизнь семьи.

Исторически институт прокурорского участия в гражданских делах складывался под влиянием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, советская процессуальная традиция видела в прокуроре «стража закона», обязанного активно вторгаться в любые правоотношения, где усматривалось нарушение публичных интересов или интересов социально уязвимых лиц. С другой стороны, реформы последних десятилетий, последовательно проводившие курс на состязательность и диспозитивность, сужали пространство для прокурорского присутствия, оставляя его преимущественно в делах, где затронуты интересы недееспособных и несовершеннолетних. Именно эта категория дел сегодня становится своего рода «последним бастионом» активного процессуального участия прокуратуры, и от того, насколько грамотно выстроены соответствующие процедуры, во многом зависит реальная, а не декларативная защищенность детей.

Согласно ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной

защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования [2].

Также важно отметить, что прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. В случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска [2].

Формулировки ч. 1 и ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, разграничивающие случаи обязательного участия прокурора и случаи его права на вступление в дело, оставляют значительное пространство для усмотрения – самого прокурора, так и суда. На практике это порождает две крайности: либо прокурор формально присутствует в деле, ограничиваясь зачитыванием заключения, не содержащего существующего анализа, либо – напротив – самоустраняется от участия там, где его вмешательство объективно необходимо. Обе ситуации одинаково вредны: в первом случае суд и стороны получают иллюзию процессуальной гарантии, во втором – несовершеннолетний фактически остается без дополнительной правовой защиты.

Вопрос о том, насколько глубоко прокурор вправе вторгаться в дела, где на кону стоят интересы ребенка, в российской процессуальной науке обсуждается уже не первое десятилетие, и со временем эта дискуссия утратила сугубо прикладной характер. Еще в начале 2000-х годов А.Т. Боннер, анализируя природу прокурорского участия в гражданском судопроизводстве, сформулировал тезис, который и сегодня остается одной из концептуальных опор для понимания роли прокурора: он выступает не стороной в споре, а

самостоятельным субъектом, облеченным публично-правовой функцией защиты интересов уязвимых категорий граждан [1]. Эта мысль, на первый взгляд очевидная, на практике порождает немало сложностей, поскольку сама по себе она не раскрывает, как именно должна реализовываться такая функция в ситуациях, когда законный представитель ребенка формально действует в его интересах, но фактически преследует иные цели. Эта позиция, на наш взгляд, сохраняет актуальность и сегодня: именно публично-правовая природа полномочий прокурора отличает его участие от деятельности законного представителя, который действует в рамках частноправовых интересов подопечного.

Семейно-правовая доктрина предлагает иное видение проблемы. О.А. Гуреева, анализируя дела о лишении и ограничении родительских прав, указывает, что прокурор в таких процессах фактически берет на себя функцию независимого оценщика родительского поведения, подменяя отчасти органы опеки [3]. С этим тезисом трудно согласиться без оговорок: органы опеки готовят заключение по существу семейного благополучия, тогда как прокурор оценивает именно правовую квалификацию действий родителей и соответствие их требованиям закона. Смешение этих функций действительно встречается на практике, но оно является следствием не концептуальных ошибок, а банального процессуального дублирования, от которого страдают обе стороны.

А.А. Демичев обращает внимание на еще один аспект: прокурорское участие в делах о защите жилищных прав несовершеннолетних нередко носит формальный характер, поскольку суды ограничиваются получением заключения «для галочки» [8]. Действительно, анализ судебных актов показывает, что в подавляющем большинстве случаев суды соглашаются с позицией прокурора, даже если она не содержит развернутой аргументации. Это создает опасную иллюзию: кажется, что институт работает, тогда как на

деле он превращается в процессуальную рутину. И.В. Решетникова по этому поводу справедливо замечает, что эффективность прокурорского участия нельзя измерять количеством дел, в которых он дал заключение, должно быть реальное влияние его позиции на исход спора [6].

Действующее законодательство ситуацию не проясняет. Часть 1 ст. 45 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень случаев обязательного участия прокурора, и дела о лишении и ограничении родительских прав, о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипации) в нем прямо поименованы. Однако уже в отношении жилищных споров, наследственных дел, требований о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних закон говорит лишь о «праве» прокурора вступить в дело. Формулировка ч. 1 в отношении «иных случаев», когда прокурор признает это необходимым, оставляет колоссальное пространство для усмотрения. На практике это означает, что один и тот же по существу спор – скажем, о разделе жилого помещения с участием ребенка – в одном регионе рассматривается с обязательным участием прокурора, а в другом – без него, и обе позиции суды признают законными.

Семейный кодекс РФ усугубляет эту неопределенность. Статья 70, регламентирующая лишение родительских прав, прямо обязывает прокурора участвовать в таких делах, тогда как ст. 73 (ограничение родительских прав) и ст. 77 (отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни) аналогичных предписаний не содержат [7]. Получается парадокс: при ограничении родительских прав, которое по тяжести последствий мало отличается от лишения, участие прокурора уже не является обязательным. Судебная практика пытается сгладить этот пробел, но делает это непоследовательно. В одних случаях суды оставляют дело без рассмотрения, если прокурор не явился в дело об ограничении родительских прав, считая его участие

обязательным по аналогии; в других – спокойно рассматривают дело при его отсутствии, ссылаясь на буквальный текст закона.

Если обратиться к судебной практике по жилищным спорам, где так или иначе затрагиваются интересы несовершеннолетних, картина получается довольно показательная. Прокуроры активно вступают в дела о признании права пользования жилым помещением, о порядке осуществления родительских прав в отношении ребенка, проживающего отдельно от одного из родителей, о вселении и выселении. Казалось бы, всё логично – ребёнок уязвим, его права нужно защищать. Однако стоит присмотреться к тому, как именно обосновывается такое вступление, и становится заметно одно странное обстоятельство: формулировки практически всегда стереотипны, сводятся к фразе «в целях защиты интересов несовершеннолетнего». Ни анализа конкретной ситуации, ни указания на то, почему законный представитель не справляется со своей роль, – просто шаблон.

Суды, судя по обзору практики Московского городского суда и Санкт-Петербургского городского суда за 2023–2024 годы, такой формализм, как правило, не смущает. Проверять, действительно ли родитель или опекун не способен обеспечить защиту интересов ребенка, никто особенно не спешит. В итоге получается парадоксальная ситуация: прокурор, призванный восполнять пробелы в защите несовершеннолетнего, по существу, начинает дублировать функции адвоката, которого родитель и без того нанял за свой счет. Это прямо противоречит той логике, которая заложена в ст. 45 ГПК РФ, – прокурор ведь должен подключаться там, где ребенок реально остается без защиты, а не там, где его интересы уже квалифицированно представляет иной процессуальный фигурант.

Дела о взыскании алиментов заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку в их отношении складывается достаточно противоречивая правоприменительная ситуация. Формально эта категория отнесена

законодателем к числу факультативных для прокурорского участия: ч. 2 ст. 45 ГПК РФ наделяет прокурора правом, но не обязанностью вступать в процесс. Вместе с тем анализ реальной практики убедительно свидетельствует, что именно алиментные споры становятся той сферой, где прокурорское вмешательство оказывается наиболее востребованным и, что существенно, наиболее оправданным с точки зрения целей гражданского судопроизводства.

Объясняется это, на наш взгляд, спецификой фактического состава подобных дел. Как правило, на стороне несовершеннолетнего выступает единственный родитель – чаще всего мать, – которая одновременно несет основное бремя воспитания ребенка и вынуждена процессуально противостоять родителю, уклоняющемуся от исполнения алиментных обязательств. Ресурсы такого законного представителя, особенно в материальном и организационном плане, нередко оказываются существенно ограничены, тогда как должник располагает возможностями скрывать реальные доходы, затягивать производство, представлять фиктивные доказательства. В подобных условиях факультативное прокурорское участие фактически трансформируется в единственный реальный механизм процессуального выравнивания сторон, без которого принцип состязательности остается декларацией.

В таких делах прокурор, запрашивая сведения о доходах должника, инициируя судебные поручения, по существу берет на себя функцию, которую в идеале должен был бы выполнять судебный пристав-исполнитель еще на стадии возбуждения исполнительного производства. Подменяя собой иные институты, прокурор заполняет пробелы, которые образовались из-за недостаточной эффективности исполнительного производства.

Наследственные споры с участием несовершеннолетних представляют, пожалуй, наиболее запутанную категорию. С одной стороны, ребенок является наследником по закону, и его интересы формально представляет родитель или

опекун. С другой стороны, именно в наследственных делах чаще всего возникает конфликт между интересами несовершеннолетнего и интересами других наследников, среди которых может оказаться и сам законный представитель. Законодатель эту коллизию не разрешает: ни ГПК РФ, ни Семейный кодекс, ни ФЗ «Об опеке и попечительстве» не содержат четких указаний на то, кто должен выступать независимым защитником ребенка в ситуации, когда его собственный представитель является стороной спора. На практике прокуроры вступают в такие дела выборочно, руководствуясь внутренними методическими указаниями, которые, разумеется, не имеют силы закона.

Судебная практика по делам об эмансипации несовершеннолетних (ст. 27 ГК РФ) также демонстрирует противоречия. Формально участие прокурора здесь обязательно, поскольку дело касается изменения правового статуса ребенка. Однако содержание прокурорского заключения сводится, как правило, к констатации факта достижения шестнадцатилетнего возраста и наличия трудового договора или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Между тем закон требует оценки того, действительно ли несовершеннолетний способен самостоятельно нести гражданско-правовую ответственность, а это уже вопрос не формальный, а содержательный. Прокуроры, как показывает практика, в эту содержательную оценку не углубляются, перекладывая ее на суд и органы опеки. В результате обязательное участие прокурора в делах об эмансипации превращается в процессуальную формальность, не выполняющую своей защитной функции.

Отдельную проблему составляют дела с участием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Здесь, казалось бы, все ясно: законного представителя в лице родителя нет, функции представителя исполняет орган опеки или организация для детей-сирот, и прокурорское участие выглядит вполне оправданным. Однако и здесь возникают коллизии. Например, при

оспаривании решений органов опеки о передаче ребенка в приемную семью или при рассмотрении споров о праве ребенка на жилое помещение после выпуска из организации прокурор нередко занимает позицию, совпадающую с позицией государственного органа, против которого, по сути, и должен был бы выступать в защиту ребенка. Такая ситуация была, в частности, зафиксирована в практике Верховного Суда РФ при рассмотрении дел об обеспечении детей-сирот жилыми помещениями, где прокуроры в ряде регионов фактически поддерживали отказы органов исполнительной власти [5].

В связи с этим, следует признать, что действующая модель прокурорского участия в защите прав несовершеннолетних страдает от двух взаимосвязанных пороков. С одной стороны, она недостаточно определенна: закон не содержит четких критериев, по которым прокурор должен решать, вступать ли ему в дело. С другой стороны, она избыточно формализована: даже в тех случаях, когда участие обязательно, оно нередко сводится к механическому зачитыванию заключения, не влияющего на ход процесса.

Одной из наиболее существенных коллизий в правоприменительной практике по-прежнему остаётся отсутствие формализованных критериев, позволяющих прокурору квалифицированно определить, действительно ли законный представитель несовершеннолетнего не в состоянии обеспечить надлежащую защиту его процессуальных и материальных интересов. Ни императивные нормы ст. 45 ГПК РФ, ни подзаконные акты не содержат сколько-нибудь внятного ответа на этот вопрос. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ, на которые принято ссылаться в практической работе, сформулированы в столь обобщённой манере, что не учитывают ни отраслевую специфику отдельных категорий дел, ни реальные жизненные обстоятельства, в которых оказывается ребёнок.

Следствием подобной нормативной неопределённости становится формирование двух полярных правоприменительных стратегий на местах. Одни прокуроры, руководствуясь соображениями формальной предосторожности, вступают практически в каждое дело с участием несовершеннолетнего, не проводя предварительной оценки реальной потребности в таком вмешательстве. Другие, напротив, исходят из презумпции дееспособности законного представителя и самоустраняются, полагая, что родитель или опекун в состоянии самостоятельно обеспечить защиту интересов подопечного. Обе модели поведения, на наш взгляд, в равной степени порочны: первая порождает процессуальное дублирование и неоправданную нагрузку на прокурорских работников, вторая – создаёт ситуацию, при которой несовершеннолетний в момент объективной необходимости в дополнительной правовой поддержке фактически оказывается лишён таковой.

Разрешение обозначенной коллизии, как представляется, возможно путём законодательного закрепления своеобразной опровержимой презумпции: прокурор вступает в процесс лишь при наличии конкретных и проверяемых данных, свидетельствующих о неспособности или нежелании законного представителя исполнять возложенную на него процессуальную функцию. В качестве таких оснований могли бы выступать: наличие конфликта интересов между представителем и несовершеннолетним, очевидная недостаточность у представителя правовых знаний или материальных ресурсов для полноценного ведения дела, факты процессуальной недобросовестности представителя. Следует отметить, что подобный концептуальный подход не является оригинальным – его достаточно аргументированно обосновывал М.Ю. Лебедев, однако ни на уровне федерального законодательства, ни в подзаконных нормативных актах он до настоящего времени не получил закрепления [4]. До тех пор пока такая

конкретизация не будет произведена, ст. 45 ГПК РФ рискует функционировать не в качестве реальной процессуальной гарантии защиты прав несовершеннолетнего, а как источник правовой неопределённости, негативные последствия которой несут прежде всего сами дети.

Не менее значимой системной проблемой представляется функциональная размытость границ между полномочиями прокурора и органа опеки и попечительства в гражданском судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних. Оба субъекта наделены правом участия в таких делах, оба дают заключения, однако действующее законодательство не содержит сколько-нибудь чётких разграничительных критериев их компетенции. В правоприменительной практике это оборачивается либо прямым функциональным дублированием, когда прокурор и орган опеки фактически воспроизводят сходные по содержанию позиции в судебных заседаниях, либо, что представляется не менее опасным, образованием пробелов в защите, когда каждый из субъектов полагает, что соответствующая проверка входит в компетенцию другого.

Представляется, что наиболее обоснованным подходом к разрешению данной коллизии является предметное разграничение: орган опеки и попечительства осуществляет оценку фактических обстоятельств – условий проживания ребёнка, характера его привязанностей, реального уровня семейного благополучия, тогда как прокурор концентрируется на правовой квалификации действий сторон и оценке их соответствия императивным требованиям закона. Реализация такого разграничения потребовала бы внесения корреспондирующих изменений как в Семейный кодекс РФ, так и в Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», однако без этого шага прокурорское участие в делах с участием несовершеннолетних будет и впредь страдать от функциональной неопределённости, которая не способствует ни эффективности самого института, ни реальной защищённости прав детей.

Важным направлением совершенствования является развитие судебной практики через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Действующее Постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2013 года № 37 ««О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей», касающееся применения судами норм о защите прав несовершеннолетних, не содержит развернутых указаний именно о порядке участия прокурора. Между тем именно разъяснения высшей судебной инстанции могли бы задать единые ориентиры для нижестоящих судов по вопросам: в каких случаях отсутствие прокурора влечет отмену решения, как оценивать обоснованность его заключения, каковы последствия расхождения позиции прокурора с позицией органа опеки. Отсутствие таких разъяснений порождает ту самую противоречивость практики, о которой уже говорилось выше, и снижает предсказуемость судебных решений для всех участников процесса.

Нельзя обойти вниманием и кадровый аспект, поскольку участие в делах с участием несовершеннолетних требует от прокурора не только глубокого знания процессуального и материального права, но и понимания детской психологии, особенностей возрастной дееспособности, специфики семейных конфликтов. Между тем специальная подготовка прокуроров по этим вопросам носит фрагментарный характер. В системе повышения квалификации прокурорских работников тема защиты прав несовершеннолетних в гражданском процессе представлена недостаточно, тогда как именно эта сфера требует наиболее тонкого профессионального подхода. Развитие специализированной подготовки, возможно, с привлечением экспертов из области детской психологии и социальной работы, могло бы существенно повысить качество прокурорского участия.

Подводя итог, следует признать, что институт участия прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве нуждается

в комплексном совершенствовании. Это не означает, что сам институт изжил себя – напротив, в условиях, когда семья как социальный институт переживает глубокие трансформации, а число семейных конфликтов, затрагивающих интересы детей, неуклонно растет, потребность в независимом процессуальном защитнике ребенка только возрастает. Однако для того, чтобы этот институт работал эффективно, необходимо преодолеть его нормативную неопределенность, функциональную размытость и кадровую недостаточность. Только при условии решения этих проблем прокурорское участие станет не формальной процессуальной процедурой, а реальным инструментом защиты прав наиболее уязвимой категории граждан.

Библиографический список:

1. Боннер, А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел : монография / А. Т. Боннер. — Москва: Городец, 2000. — 327 с. http://opac.skunb.ru/index.php?url=/notices/index/IdNotice:346154/Source:default

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Гуреева, О. А. Роль и значение участия прокурора в гражданском судопроизводстве на современном этапе // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 6. — С. 83–96. https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-na-sovremennom-etape-1?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.3b25c921EvRmeL

4. Гражданский процесс : учебник для вузов / М. Ю. Лебедев [и др.] ; под ред. М. Ю. Лебедева. — 13-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 438 с. https://urait.ru/course/6A694AB5-1A65-4A48-A9E4-C4B5F4430A3C

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 8. – С. 3–18.

6. Решетникова, И. В. Размышляя о судопроизводстве : Избранное : сборник научных трудов / И. В. Решетникова. — Москва : Статут, 2019. — 510 с. https://www.estatut.ru/catalogue/books/grajdansko-protsessualnoe-pravo/grajdanskiy-protsess/razmyshlyaya-o-sudoproizvodstve-izbrannoe/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.3b25c921EvRmeL

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

8. Гражданский процесс : учебник / под ред. А. А. Демичева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2022. — 496 с. https://znanium.ru/catalog/document?id=489473&ysclid=mv4vyvxw3e266184972